

У Ван Дачжуана к горлу подступил ком. Он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. В деревне Ван жили не только он и Юй Чанцин, он не имел права рисковать жизнями всех её жителей ради своих чувств.

Его настроение мгновенно ухудшилось, и он тихо произнёс:

— Значит... ты уходишь?

Юй Чанцин опустил глаза и спокойно ответил:

— Дачжуан, деревня Ван не может быть моим домом навсегда.

Ван Дачжуан кивнул. Конечно. Как может столь возвышенный человек, как Сяньцзюнь, оставаться в такой глухой деревне? Ему не место здесь. Это всё равно что куньпэну* жить в курятнике. Его истинное пристанище — среди небесных гор или в роскошных дворцах бессмертных, где ему воздают почести, а не в крохотной, ветхой хижине, где крыша протекает, сколько её ни чини. Всё в нём — от кончиков волос до кончиков пальцев — казалось чуждым этому миру.

*Куньпэн (凤) — мифическая гигантская птица из китайской мифологии, способная превращаться из рыбы в птицу и взмывать в небеса.

Он знал, что рано или поздно Юй Чанцин уйдёт, и они расстанутся, но не ожидал, что это произойдёт так скоро. Он ещё не успел приготовить все блюда, которыми хотел угостить Сяньцзюня, ещё не сшил ему тёплую одежду, не купил новые ленты для волос, не нашёл красивую шкуру, чтобы постелить её на лежаке Сяньцзюня... У него было столько планов! Ему даже казалось, что он ещё не успел как следует рассмотреть это прекрасное лицо, от которого захватывало дух. А момент расставания наступил так внезапно.

Опустошённый, Ван Дачжуан ссутулился, потупил взгляд, неуверенно потёр нос и глухо пробормотал:

— Тогда... когда ты уходишь?

— Завтра, — без колебаний ответил Юй Чанцин. — Чем раньше я уйду, тем безопаснее будет для деревни.

— Понятно... — сдавленно выдохнул Ван Дачжуан.

Он опустил голову, повернулся к выходу и тихо добавил:

— Тогда я пойду приготовлю ужин. У нас есть вяленое мясо и сухие лепёшки, я соберу тебе

немного в дорогу. Одежду я постирал, можешь сразу взять её с собой. Погода холодает, а я так и не успел сшить тебе новую осеннюю одежду...

Но тут Юй Чанцин неожиданно схватил его за руку.

— Дачжуан, — голос его стал необычно серьёзным. — У тебя здесь нет родных, ничто тебя не держит. Хочешь пойти со мной?

Ван Дачжуан удивлённо ахнул, растерянно поднял голову, и в его слегка покрасневших глазах мелькнул проблеск надежды. Но уже в следующий миг он покачал головой.

— Нет... — он отвернулся, избегая взгляда Юй Чанцина. — Я здесь вырос, здесь мои корни, мой дом. Я не хочу уходить.

Он — всего лишь обычный смертный. Мир Сяньцзюня — не его мир. То, что он смог провести столько времени рядом с таким прекрасным бессмертным, уже было невероятной удачей. Это, наверное, его награда за добродетели в прошлой жизни.

Юй Чанцин замер на мгновение, затем отпустил его руку и молча наблюдал, как Ван Дачжуан, опустив голову, вышел из комнаты.

Постояв немного, Юй Чанцин опустил руку, которую всё это время держал в широком рукаве. В его тонкой, бледной ладони лежала маленькая, кристально прозрачная ледяная жемчужина. Он создал её с помощью своей духовной силы, планируя подарить Ван Дачжуану сегодня в ответ на тот нефритовый кулон. Но после их разговора момент для подарка явно был неподходящим.

Он опустил взгляд на ледяную жемчужину, его тёмные глаза затуманились. О чём он думал в этот миг — осталось загадкой.

Ван Дачжуан вошёл на кухню готовить ужин. Это был последний ужин, который Сяньцзюнь проведёт в его доме, и Ван Дачжуан ни за что не хотел обделить его. Он достал всё самое лучшее, что было в доме, тщательно обдумывал каждое блюдо и в итоге накрыл богатый стол, состоящий в основном из мясных блюд. Он хорошо запомнил слова дяди Ван Ушу: «Если человек не ест мяса, он худеет!»

Хотя Сяньцзюнь говорил, что не сможет поправиться, Ван Дачжуан всё равно хотел накормить его мясом как можно больше. Кто знает, будет ли Сяньцзюнь есть что-то подобное, когда вернётся в свои небесные чертоги? Скорее всего, нет. Он ведь сам сказал, что раньше никогда не ел и, вероятно, не станет есть и впредь. От этой мысли на сердце у Ван Дачжуана стало ещё тяжелее.

Всю трапезу Ван Дачжуан только и делал, что подкладывал Юй Чанцину мясо в тарелку, а сам

почти не притронулся к еде. Он знал, что Сяньцзюнь любит его жареное мясо, поэтому специально зажарил дикую курицу. Она получилась идеальной: с хрустящей корочкой, сочная внутри, с густым ароматом, который разливался при каждом движении. Чтобы Сяньцзюню было удобнее есть, Ван Дачжуан вынул из неё все кости, разорвал мясо на тонкие полоски и сложил их в большую миску перед ним.

Юй Чанцин молча ел всё, что ему подкладывали, включая курицу, но сам не произнёс ни слова.

Только когда ужин был окончен, он вдруг произнёс:

— Ты правда не пойдёшь со мной?

Ван Дачжуан, низко опустив голову, едва заметно покачал ею.

Юй Чанцин задумался и продолжил:

— Тебе не о чем беспокоиться. Я живу в большой секте, занимаю отдельную вершину. Ко мне редко кто приходит, и никто не посмеет относиться к тебе неуважительно. Тебе не нужно будет ходить на охоту, ты сможешь делать всё, что пожелаешь. Если захочешь путешествовать — я пойду с тобой. Если не захочешь — мы останемся на вершине и будем жить, как сейчас... Разве это так уж плохо?

Ван Дачжуан, наконец, поднял голову, слабо улыбнулся и сказал:

— Сяньцзюнь, деревня Ван не твой мир, а твоя небесная вершина — не мой. Я охотник и крестьянин. Я ничего не умею, кроме охоты и плотничества. Что мне делать на твоей вершине?

— Пока я рядом, тебе не придётся ничего делать... — ответил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан снова улыбнулся и тихо произнёс:

— Сяньцзюнь, я мужчина. Я не хочу ничего не делать и тем более не хочу всю жизнь зависеть от тебя из-за этой небольшой помощи. Моя жизнь, может, и коротка для тебя, но у меня есть свой путь. Я не хочу жить за чужой счёт.

Юй Чанцин долго молчал, а затем спросил с холодной ноткой в голосе:

— Тогда, когда в том ущелье ты говорил, что будешь рядом со мной... это были просто пустые слова?

Ван Дачжуан почувствовал, как что-то внутри сжалось, он глубоко опустил голову и тихо прошептал:

— Прости, Сяньцзюнь. Я — дерево, пустившее корни. Я не могу покинуть родную землю. Я вижу лишь этот маленький мир вокруг себя. А ты — облако. Пока ты паришь надо мной, я обязательно буду с тобой. Но когда ты улетишь... я не смогу догнать тебя. Дерево останется деревом. Я никогда не стану облаком, как ты.

Юй Чанцин долго и пристально смотрел на него, а потом холодно произнёс:

— Дело не в том, что ты не можешь догнать. Ты просто не хочешь этого. Говоришь, что не можешь оставить свою родину, но в сущности... просто я не настолько важен для тебя. Я не достоин того, чтобы ты ради меня покинул свою землю. Я ошибся, требуя от тебя невозможного.

Сказав это, он резко встал, быстро зашагал в дом и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Ван Дачжуан знал — на этот раз Сяньцзюнь действительно разозлился. Не так, как обычно, когда просто ворчал и дулся, а по-настоящему. Но впервые Ван Дачжуан не бросился за ним, чтобы утешить.

<http://bllate.org/book/12569/1117931>